

ВАДИМ ТЕЛИЦЫН

ЗАПИСКИ УМЕРШЕГО

RUGRAM

УДК 93/94
ББК 63.3
Т31

Телицын, В.

Т31 Записки умершего / Телицын В. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 532 с.

ISBN 978-5-521-92436-3

Иван Липранди — личность легендарная, он — участник (армейский офицер) нескольких войн, которые Россия вела на протяжении первых трех десятилетий XIX века (отмечен орденами и личным оружием за храбрость), военный разведчик, командир партизанских отрядов, действовавших в тылу противника, сотрудник спецслужбы, раскрывший заговор М.В. Петрашевского, ученый, прекрасно разбиравшийся в тонкостях не только геополитических проблем на Балканах и в юго-западных районах Российской империи, но и в сложнейших вопросах взаимоотношений государства и староверов. А еще — известный бретер (участник едва ли не десятка дуэлей), а еще — друг А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова и враг А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, а еще — историк, публицист, владелец богатейшей книжной коллекции, заполнить которую мечтали лидеры западноевропейских стран, и, самое главное — автор дневника, который вел на протяжении всей своей долгой жизни (прожил почти 90 лет), и в котором нашли отражения все события и его жизни и истории страны почти всего XIX столетия.

И об этом данная книга.

BIC HB
BISAC HIS000000

ISBN 978-5-521-92436-3

© Вадим Телицын, текст, 2020
© RUGRAM, 2022

ОТ АВТОРА

*Развязывая тесемки.
Не этого ль папка ждала,
Затолканная в потемки
Письменного стола.*

С. Щипачев

*Историк... должен соби-
рать все из всего, и по очище-
нии критикой, выводить свои
заключения.*

И. Липранди

Книга эта — не историческое исследование. Нет, это размышления о судьбе удивительного человека, чья жизнь переплелась с историей нашего Отечества в XIX веке. Но мы ни на йоту не отступали от исторической хронологии, мы не фантазировали, не придумывали биографии нашим героям, на этих страницах они — благодаря своим дневникам, мемуарам, письмам — живут той жизнью, которой жили. Нам представляется, что читатель уже устал от скучнейших академических штудий, где живые люди подменяются какими-то манекенами: бестелесными, бесчувственными, бездушными, оторванными от обыденной жизни, от своих предков, от своих современников, от своих потомков. История будет полна цвета, красок, оттенков, страстей, лишь тогда, когда автор «заселит» повествование свое живыми

людьми: со всеми их проблемами, радостями, заботами, переживаниями. В противном случае история наша, как и прежде, сведется к «противостоянию антагонистически настроенных классов», к пошлой социологизации, не имеющей ничего общего с нашим прошлым.

Оглянитесь, сколько имен наших соотечественников кануло в Лету... Это — справедливо? Или мы опять возвращаемся на «круги свои» — о признании себя «Иванами, не помнящими родства». И было бы понятным, когда травой забвения зарастали имена злодеев. Ан, нет. Все с точностью наоборот. Забыты те, чьими именами стоит гордиться. Гордиться их умом, профессионализмом, преданностью своему отечеству, Богу, делу...

НАЧАЛО

17 июля 1879 года. Санкт-Петербург.

Сегодня мне исполнилось 89 лет. Время — не просто собирать камни, а — сносить их поближе к последнему своему пристанищу... Ушли уже все — и те, кого я называл «ровесниками моими», и их дети, а, порой, и их внуки... Только я что-то подзадержался на этом свете...

Сколько мне отпущено еще... год, полгода, месяц, неделя... Что загадывать... Может, пока руки еще не отказали, стоит записать все, что произошло со мной за эту страшно долгую, ужасную и проклятую жизнь?

Где мой донжуанистый отец? (Магушку, баронессу Кусову, я совсем не помню.) Где сестра Катерина (в замужестве — Тухачевская), где красавица Розина — моя первая жена?.. Зина — вторая жена? Брат Павлуша? Все уже там... Где егоза Пушкин? Где добродушный силач граф Миша Орлов? Где англоман Левушка Перовский? Где высокомерный всезнайка Петрашевский, где мой друг и враг — одновременно — Леонтий Дубельт, где — извечный его оппонент Александр Герцен, где — все?.. Ушли...

Вокруг как будто пустыня... Даже сыновья и те — редкие гости.

А может и хорошо... Тишина... Есть возможность собраться мыслями... Правда, делать это все сложнее и сложнее... Не та у же голова... Четкость пропала... Не мудрено, почти девяносто лет...

...Вот, даже строчки «нашел» для своего надгробья:

*«Я к истине искал пути,
Но к ней никак не мог добраться,
И, бросив руль своей ладьи,
Давал о скалы разбиваться».*

...Нет, нет хоронить мне самого себя еще рано... я еще не все сказал, не все рассказал о тех, с кем свела судьба и время...

Так, новый лист бумаги...

Начну.

* * *

Итак, я — Иван Петрович Липранди, родился в семье Педро де Липранди, в славном нашем Санкт-Петербурге. Отец мой — выходец из Северной Италии. Сам он как-то обмолвился, что предки его, такие же любители смены мест, пришли на Апеннины из Испании. В России отец мой, уже Петр Иванович, оказался за пять лет до моего рождения.

Говорят, что отца моего пригласила едва ли не сама Екатерина Великая. В России он занимался устройством мануфактур, сам владел суконной и шелковыми фабриками. Дела вел очень удачно, как ни как — надворный советник, кавалер ордена Святого Владимира 4-й степени... И в личной жизни оказался «не промах»: трижды был женат, произвел на свет двух сыновей и дочь, коих, правда, оставил без наследства, оно отошло его последней — третьей — жене, и умер в 1810-м, в возрасте аж 106 лет!¹

Воспитывали нас либо как фонвизиновских Митрофанушек, либо как пушкинских Петруш Гриневых. Третьего не дано! Я выбрал второе: в жилах моих течет кровь, жаждавшая брани. И с семнадцати лет впрягся в армейское ярмо, тянув его несколько десятилетий.

¹ По другим данным он прожил всего 55 лет! (См.: Сайтов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3.)

Помню этот день — 13 августа 1807 года, я — колонновожатый свиты Его императорского Величества по квартирмейстерской части¹. Колонновожатый начала нашего века — это унтер-офицер, просиживавший темно-зеленые с крагами панталоны, готовясь к сдаче экзаменов на офицерский чин. Формой своей юнцы-колонновожатые сводили с ума столичных барышень: погоны черные, с красной выпушкой, обшлага без клапанов, кивера с унтер-офицерским репейком и красными этишкетами, сабли кавалерийские с портупеей под мундиром, шинели офицерского образца — серые, с черным плисовым воротником и красной выпушкой. Красота...

Чудесное было время! Император Александр Павлович... мы боготворили его, как своего старшего брата! А он — знал нас всех поименно!

В те, ставшие уже историей годы, он был суший ангел, красавчик, любимец дам...

* * *

Кредо мое — всегда быть первым! И я никогда не отступал от этих слов!

Мой друг, артиллерийский офицер Илья Раджицкий² так характеризовал вашего покорного слугу: «Горячий итальянец, называвший себя мартинистом³, обожатель Вольтера, знал наизусть философию его и думал идти прямейшею стезею в жизни. С пламенными чувствами и острым, хотя не всегда основательным умом, он мог вернее других отличать

¹ То есть, офицер Генерального штаба.

² Раджицкий Илья Тимофеевич (1784–1861) — генерал-майор артиллерии, директор тульского оружейного завода, писатель, ботаник (автор обширного исследования «Всемирная флора», оставшегося в рукописи), мемуарист: издал «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год», «Записки о походе в Азию в 1829–1831 годах».

³ Мартинист — масон, последователь Сен-Мартена, чей труд «О заблуждениях и истине» — критика системы естественного права.

хорошее от дурного, благородное от низкого; презирая лесть, он смеялся над уродами в нравственном мире. С веселым нравом, большою начитанностью и знанием света, он был весьма любезен в обществе; но пылкость характера заводила его часто в безрассудства»¹.

Безрассудство — это он о дуэлях, но о них — чуть позже.

* * *

С первого дня военной службы я вел дневник, рассчитывая, что все, составленное пером на его страницах сыграет мне только на пользу...

Не будь вызван на воспоминания, я не ворошил бы своих многостраничных записей. Они велись с 1807 года собственнo для меня самого, по привычке записывать все без разбора, встречавшееся ежедневно...²

После меня кто будет терять время на разбор этих кип тетрадей?

¹ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. III. С. 354–355.

² Как писал один из современных исследователей, «в дневник свой Иван Петрович заносил названия частей и подразделений, фамилии командиров, кроки местности и планы передвижений, копии приказов и записи устных распоряжений; характеристики знакомых офицеров, привычки, нравы, мнения, разговоры, одежда, еда, погода, пустяки... Драгоценнейшие пустяки! Липранди записывает все, что происходит с ним и вокруг него, чуть не поминутно. Страсть к коллекционированию фактов, доходящая до мании и помноженная на страсть к анализу: тезисам и антитезисам, аргументам и контраргументам, обобщениям и выводам. Идеальные пристрастия для разведчика. Кажется, что уже там и тогда, в походной палатке или на бруствере, над воодушевленным и героическим телом парит холодный и бесстрастный, даже равнодушный разум, все видящий и всему знающий цену. В эпоху каре и колонн, партизанских «поисков» и лихих налетов Липранди понял, что главное в войне — это информация». (См.: Востриков А. Липранди. Особые поручения // Сеанс. 2005. сентябрь. № 23/24.)

МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА

Моя первая военная компания началась холодным февралем 1808-го, когда двадцать тысяч русских солдат под командованием генерала Ф.Ф.Буксгевдена пересекли северную — со Швецией — границу, а через несколько дней заняли городок Тавастгус и осадили Свеаборг, в марте взяли приступом Куопио и Таммерфорс, «отчистив» побережье между Або и Васой, Аландские острова, Якобстад, Гамлакарлебу.

Так началась Русско-шведская война... Как пишут наши историки, «война 1808–1809 гг. была вызвана стремлением России в условиях начавшейся в 1807 г. войны с Великобританией установить полный контроль над Финским и Ботническим заливом в целях обеспечения безопасности Петербурга. Тильзитский мир 1807 г. поставил Швецию перед дилеммой: присоединиться, как и Россия, к континентальной блокаде и тем поставить под удар британского флота свою морскую торговлю и отказаться от английского рынка, либо сохранить традиционный союз с Великобританией и пойти на конфликт с Россией. Король Густав IV Адольф взял курс на разрыв с Россией, хотя Швеция не была готова к войне».

Это, одновременно, так и не так. Россия давно с замиранием смотрела на лакомый кусочек — скандинавскую «туфлю», вот уже два века нависавшую над северными границами империи. Но для начала военной компании нужен был «случай», не дававший бы Европе повод обвинить Россию в агрессии.

И такой «случай» появился как в сказке — неожиданно и негаданно: России удалось воспользоваться противоречи-

ями своих полусоюзников-полупротивников (Англии и Франции) и нанести «оправданный» удар шпагой по Скандинавии. Выпад был удачным, хотя и не бескровным. Особенно — в самом начале компании.

Уже в апреле 1808-го шведский фельдмаршал М.Клингспор повел свои полки в контрнаступление из района Улеаборга и выдавил русские отряды из районов Револаксе и Пуллкила.

Масла в огонь подлили финские партизаны, ударившие по русским гренадерам и егерям с тылу. Удар был настолько неожиданным, что Буксгевден отдал приказ оставить северную и центральную часть Финляндии, а также Аландские острова и остров Готланд.

Незадачливого Буксгевдена сменил генерал Н.М. Каменский, вместе с которым пришел и резерв — 11-тысячный пехотный корпус. 2 августа 1808-го русские ринулись в наступление. Уже через две недели шведы терпят поражение при Куортане, Салми и Оривайсе, шведские стрелки, напорвшись на русские штыки, откатились назад, рассчитывая закрепиться на побережье Ботанического залива, и, получив подкрепления с моря и поддержку финских партизан, вновь перехватить инициативу. Но шведским планам сбыться было не дано: хваткий Петр Иванович Багратион, командовавший сводным отрядом, отбил все попытки шведов высадить десант в районе крепости Або. 10 сентября медные трубы пропели «перемирие»: шведы ушли из Финляндии, а местные партизаны сложили оружие.

Но аппетит у русского императора нагулялся нешуточный: Александр I приказал новому русскому командующему Б.Ф.Кноррингу вторгнуться в саму Швецию, что, в сущности, соответствовало плану Каменского, плану, который предусматривал движение тремя корпусами: один шел по суше через Торнео, второй — по льду через Ботнический за-